ЗОЩЕНКО, КОТОРЫЙ НЕ СМЕЯЛСЯ

Михаил Зощенко более всего известен как писатель-сатирик. Но была в его работе и другая направленность, о которой широкий читатель осведомлен меньше: ему принадлежат книги-исследования в так называемом научно-художественном жанре — «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца».

Умевший писать смешно, Зощенко был невеселым человеком, устремленным в замкнутый мир мучивших его с ранних лет всевозможных недугов. Сколько он себя помнил, у него всегда было «нехорошо с нервами», изматывали приступы меланхолии и жесточайшей хандры. К тому же, воюя на русско-германском фронте, он в 1916 году попал под газовую атаку и получил порок сердца. Терзавшие его организм болезни усугублялись тяжелой мнительностью, которая приносила как ему самому, так и близкому окружению дополнительные страдания. Он обращался за помощью к десяткам врачей, перепробовал сотни лекарств. Но легче не становилось. Тогда он стал лечить себя сам. И вот в какой-то момент он пришел к мысли, что все зависит от него самого: насколько он сможет осознанно распоряжаться собой, направлять и корректировать, в зависимости от внешних условий, свою внутреннюю жизнь. Он настолько уверил себя в правильности найденного им способа избавиться от мешавших ему болезней, что посчитал чуть ли не преступлением, если смолчит о приобретенном опыте.

Так появилась повесть «Возвращенная молодость». Зощенко выпустил ее в 1933 году. Нет, он, конечно, не собирался писать научный трактат. И поначалу все было в «Возвращенной молодости», так сказать, до боли знакомо. Вступительные главы и саму повесть о профессоре Волосатове, пожилом человеке, который, оставив семью и женившись на молодой женщине, чуть было «не сыграл в ящик», Зощенко написал в своей обычной шутливой манере. Он как бы уверял своего «испытанного» читателя, что ничего не случилось: он тот же Зощенко и все осталось при нем — и язык, который с другим не спутаешь, и умение говорить просто о сложных вещах. Это было своего рода приманкой, желанием вовлечь ничего не подозревавшего читателя в предстоящий серьезный разговор, который (как, несомненно, Зощенко допускал) мог бы и не состояться, открой писатель уже первой строкой свои карты.

И вот, посчитав, что дело сделано, что читатель у него в руках, Зощенко, распрощавшись коротко с Волосатовым, заговорил наконец не на родном для читателя — зощенковском, а на своем, вернее — своим языком. Он хорошо понимал, что новая задача, которую он перед собой поставил, неподвластна решению ее старым способом. «Комментарии и статьи» — так называл Зощенко раздел «Возвращенной молодости», каковой лишь с виду служил научным подспорьем, объясняющим те или иные моменты, затронутые в художественной

части книги, а на самом деле именно вступительные главы и сама повесть были служебными по отношению к «Комментариям и статьям». Для них-то и соорудил Зощенко столь необычное для себя композиционно-стилистическое построение. Об этом говорит уже то, что по объему они занимают в книге большее место, нежели вступительные главы и сама повесть о старом профессоре, размечтавшемся возвратить утраченную свежесть жизненных ощущений.

В «Возвращенной молодости» Зощенко попытался найти простое толкование очень непростым взаимоотношениям человека с собой и окружающим миром. В согласиях и несогласиях с разного рода философскими концепциями возникли контуры его собственной философии человеческой жизни и смерти. Призвав в помощь науку, Зощенко, однако, не позволил себе утонуть в ее бездонных глубинах, а взял у нее лишь то, что подтверждало выстраданные им личные соображения и достигнутые его собственным горестным опытом прозрения и догадки. Потому-то биографии всем известных людей он не пересказывал в соответствии с расхожей трактовкой, а перерассказывал, словно подгоняя течение их жизни и саму смерть под свою теорию.

Зощенко понимал, что, действуя таким образом, он «до чрезвычайности опрощает» «всю предложенную схему жизни, здоровья и смерти». Но он писал не для того, чтобы ему аплодировали светила науки. Он думал о той реальной пользе, которую его книга может принести «самым разнообразным слоям населения».

Навык обращения с научным материалом был у Зощенко невелик. Он заведомо шел на риск потерпеть неудачу. И действительно, многие «ценители изящной словесности» (в первую очередь братья-писатели), прочитав повесть, посчитали ее чуть ли не провальной. В ней, дескать, искусственно соединены литература с наукой, а это с точки зрения законов жанра никуда не годится. Но тут слово взял научный мир. Вот уж с какой стороны «невежественный в вопросах медицины» писатель никак не ожидал поддержки. И вдруг — такая реакция: одно за другим состоялись многочисленные ученые собрания, заседания, обсуждения; выступали академики и доктора; в газетах печатались статьи и рецензии специалистов и руководителей науки. И наконец, сам академик И. П. Павлов стал приглашать Зощенко на свои знаменитые «среды»!

Что же произошло? Может быть, Зощенко, сам того не ведая, открыл какой-нибудь хитрый закон, связанный с физиологией или психической деятельностью человека?

Нет, новых законов Зощенко не открыл. Но всколыхнул ученый мир все же не зря: вклад в науку Зощенко внес, и немалый. Вот что ему удалось: сузив проблему человеческой жизни и смерти до малой частности — умения управлять своим организмом,— Зощенко сумел в столь узких рамках дать широчайшее представление о возможностях человека не только поддерживать и сохранять здоровье, физическую и умственную энергию, но даже и продлевать свою жизнь. Конечно, молодость, как ни старайся, не возвратить. Но попридержать увядание «наших скоропортящихся тел», не дать раньше времени ослабеть мышцам и голове — можно. Тут все зависит от нас самих — от нашей воли и разума.

Эти-то мысли и их детальная разработка, осуществленная в повести, и получили — в первую очередь — признание науки. Естественно, что все, о чем написал Зощенко, науке было известно. Но в такой плотной концентрации это известное осмысления не получало. Отсюда и интерес ученых к работе Зощенко. Хотел того писатель или же

нет, но он перед наукой поставил проблему. «Хвала т. Зощенко за это!» — написал тогдашний нарком здравоохранения Н. А. Семашко.

Итак, претензии профессионалов от литературы, похвальные отзывы деятелей науки... А что же рядовой читатель? Тот самый, кто в свое время именно благодаря Зощенко прикоснулся, а затем пристрастился к чтению?

Непохожесть «Возвращенной молодости» на все, что было написано Зощенко прежде, можно сказать, повергла в уныние даже самых преданных из его «испытанных» читателей. Резко упал поток таких привычных для писателя писем, а в тех немногих, что вынимал он по утрам из почтового ящика, сквозила обида. Полюбивший Зощенко за «Аристократку» и «Баню», этот читатель обвинил теперь своего кумира в измене.

Зощенко, конечно, не мог не предвидеть, что такое вполне может случиться. И, чтобы хоть как-то удержать уходящего своего читателя, написал в «Возвращенной молодости»: «Читатель, который огорчится перемене моего творчества, может быть спокоен. Выпустив эту книгу, я снова буду продолжать то, что начал. Эта книга — просто временная передышка». Успокаивая читателя, он сам себя хотел успокоить. Хотел надеяться, что придет еще время, когда он снова почувствует себя в свободной стихии своего природного дара.

Но жизнь распорядилась иначе. После выхода в 1935 году «Голубой книги», где Зощенко, можно сказать, сделал последнюю отчаянную попытку отстоять право сатиры на существование, в «Правде» появилась статья [1], уничтожавшая какую бы то ни было надежду на то, что и впредь ему будет дозволено «продолжать то, что начал». Нет, это, конечно, не значит, что его рассказы и фельетоны перестали печататься. Печатали его и «Крокодил», и «Известия», и даже «Правда». Но это был уже другой Зощенко — чуть ли не за каждой строкой угадывался незримый страж чистоты нового жанра советской литературы — «положительной сатиры».

Есть писатели, которые могут не писать. Что-то в их жизни перевернулось — и они то ли на время, а то и навсегда бросают это нелегкое дело. Зощенко, как бы его ни «били», ни на день не оставлял работы. Не писать он не мог. И потому во второй половине 30-х годов он, не умея «простаивать», печатал (помимо заказных фельетонов для прессы) произведения самых различных жанров — документальные повести, пьесы, киносценарии, критические статьи, но только в рассказах для детей, которые он писал для «Чижа» и «Затейника», вновь засверкали блестки его таланта, а все остальное ни читателя, ни тем более самого Зощенко удовлетворить не могло.

Что же выходит? Значит, Зощенко работал, как говорится, не покладая рук, но удовлетворения от этого не получал? Разве настоящий писатель может так жить?

Конечно, не может. Не смог бы и Зощенко, если бы уже давно не открыл для себя «второй фронт» занятий: собирал, классифицировал, обдумывал материал для своей главной (по поздним признаниям) книги. «Ключи счастья» — такое у нее рабочее название. «Перед восходом солнца» — так назвал ее Зощенко, отправляя в печать. Шла война, шел 1943 год...

Еще в «Возвращенной молодости» Зощенко написал, что он был той самой «собакой», над которой производил свои опыты. Повесть

---

[1] Гурштейн А. По аллеям истории // Правда. 1936. 9 мая.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!
Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66